

И. В. Чаквин, П. В. Терешкович

## ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ (XIV—НАЧАЛО XX В.)

В ряду основных проблем этнографии Белоруссии вопрос о формировании национального самосознания белорусов не имеет статуса самостоятельной научной проблемы и до недавнего времени систематически не рассматривался<sup>1</sup>. Между тем возникший в последнее время острый интерес к этой тематике как со стороны общественности (в частности, творческой интеллигенции), так и со стороны специалистов привел к осознанию неадекватности обыденных представлений об этапах, процессах и механизмах складывания национального и даже шире — этнического самосознания белорусов, социальных и географических ареалах его проявления, формах стабилизации, исторической преемственности, связи и соотношения с другими этническими признаками.

Историография исследования национального (в том числе и этнического) самосознания белорусов долгое время основывалась на довольно спорном тезисе о его появлении в XIX — начале XX в.. Основным доказательством этого мнения служил факт сравнительно позднего распространения на весь этнический массив народа этнонима *белорусы*<sup>2</sup>.

Одни дореволюционные авторы, отмечая, что понятия «нация» (*natio*) или «народ» могут выступать только в государственно-политическом контексте, утверждали, что белорусы, которые не имели в прошлом собственной государственности, не могли обладать национальным самосознанием, а название *белорусы* выступало в качестве территориально-географического или «племенного» определения<sup>3</sup>.

Другие исследователи, не особенно вдаваясь в исторические разыскания, доказывали, что основной этнонимической формой самосознания народа были определения типа *тутэйшыя*, *тубыльцы* (букв. «тут бытующие»<sup>4</sup>, «тутошние», «местные», «свои»), которые были известны у белорусского, а также русского, украинского, польского и другого, главным образом сельского населения центральных районов этнической территории соответствующих народов как в эпоху феодализма, так и в XIX — начале XX в., что может быть расценено как сохранение древних архаических, восходящих еще к первобытно-общинным отношениям форм самосознания<sup>5</sup>.

Высказывались также мнения, что самым распространенным среди населения Белоруссии в XVI—XVIII вв. был этноним *литвины*, который наиболее полно отражал не только государственно-политическое (в системе Великого Княжества Литовского), но и этническое самосознание всего народа. Ряд исследователей XIX — начала XX в. пытались доказать, что основным этнонимом белорусов должно быть переосмысленное и искусственно распространенное вновь древнее название *кривичи*<sup>6</sup>.

В послевоенное время вопрос об этническом самосознании белорусов начал связываться преимущественно с процессом возникновения, распространения и стабилизации с XVII по XX в. названия *белорусы*. При этом та фаза данного процесса, которая приходилась почти на весь досоветский период, называлась временем формирования «этнического самосознания», а последующая — «национального самосознания» народа<sup>7</sup>. В последние годы исследования в данной области продолжают в Белоруссии в связи с научным и общественным интересом, накоплением новых данных, а также благодаря новейшим разработкам теории этнографии.

Этническое самосознание является одним из главных результатов объединительных этнических процессов и основным показателем уровня консолидированности различных территориально-этнографических, субэтнических и сословно-классовых групп народа. Внешней формой его проявления выступает этноним, который распространяется на демографический массив народа параллельно возрастанию информационных связей между различными частями населения в результате процессов консолидации. Этническое самосознание выражается также в форме осознания общности происхождения всех представителей этноса, этноцентризме, патриотизме, чувстве национальной гордости и т. д.

Как правило, процессы гомогенизации этнического самосознания активизируются в периоды становления развитых буржуазных отношений, в результате чего складываются соответственно «национальные отношения» и «национальное самосознание». Параллельно этим процессам на весь этнический массив народа распространяется единое этнонимическое определение, выступающее прежде всего как эндоэтноним<sup>8</sup>. Однако в эпоху феодализма большинство европейских народов были весьма гетерогенными (в смысле их этнической однородности). При этом различные социальные и территориальные группы населения часто осознавали себя как особые этносоциальные единицы с определенными чертами культуры, языком, историческими судьбами, территорией расселения, а также реальным или мифическим единством происхождения.

Различные социальные и территориальные группы народностей в эпоху феодализма осознавали свою этническую принадлежность неодинаково. Наиболее очевидно и концентрированно этническое самосознание, например, в рамках белорусской народности того времени выражалось при контактах с представителями других народов — на этническом пограничье, в иноэтническом окружении, в городах с полиэтническим населением, т. е. там, где возникала возможность сопоставления и сравнения.

В моноэтнических, например сельских, зонах расселения определенных групп этническое самосознание было не столь актуальным и часто заменялось иными, например локально-территориальными (общинными, сельскими, волостными, поветовыми и др.)<sup>9</sup> или сословно-социальными формами самосознания. Исключение составляли случаи дифференциации на основе различий в религии — в зонах (также городах) с поликонфессиональным населением, когда православные определялись как *русины*, *русичи*, *руськие*, а католики — как *литвины* или, реже, *поляки*<sup>10</sup>.

В то же время не менее часто разное по конфессии население объединялось общей локальной номинативной формой (например, все жители Полоцкой земли — *полочане*)<sup>11</sup>. Репрезентативности земляческих форм самосознания способствовала определенная политическая, экономическая и юридическая автономность ряда отдельных земель Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского XIV—XVI вв. (Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской, Чернигово-Северской, Жмудской и др.)<sup>12</sup>.

Земляческие общности феодальной поры обычно представляли собой сложный тип этносоциальной организации населения не только в рамках белорусской народности, но и у многих других (если не всех) европейских народов в эпоху феодализма. Не будет, очевидно, ошибочным утверждение, что белорусская народность сформировалась именно на основе земляческих, субэтнических объединений, каждое из которых еще во времена Древней Руси являлось особой субэтнической общностью со своей полной социальной структурой, со своими особенностями языка, культуры и самосознания. Поэтому не случайно в XIV—XVI вв. земляческие этники (как формы локально-территориального самосознания) были довольно устойчивыми и представительными как в Великом Княжестве Литовском, так и за его пределами<sup>13</sup>.

Земляческие формы самосознания были характерны и для тех белорусских деятелей восточнославянской культуры, которые хорошо осознавали и свое этническое происхождение, и государственное подданство<sup>14</sup>.

Для православного белорусского (так же, как и русского и украинского) населения собственно этническая принадлежность выражалась в то время в этнонимических формах с корнем *рус* — *русичи*, *русские*, *руския*, *русины*. Родственные языки, единый этноним, летописные сведения об общем происхождении — все это позволяло некоторым иноземным авторам того времени считать «люди литовский, русский и московский (соответственно белорусский, украинский и русский. — И. Ч., П. Т.) — одной и той же Русью, одним и тем же племенем»<sup>15</sup>. Осознание этнического родства русских, украинцев и белорусов было характерно в то время также для отдельных представителей восточнославянской и в целом славянской культуры, например для тех же Ф. Скорины, И. Федорова, М. Смотрицкого, Ю. Крыжанича, В. Георгиевича, Ф. Бенешовского и некоторых других<sup>16</sup>.

В то же время сравнительный анализ исторических источников XIV—XVI вв. показывает, что различная политическая история и процессы раздельного исторического существования русской, украинской и белорусской народностей обусловили их определенную дифференциацию на уровне обыденного самосознания. Большинство представителей каждого из этих этносов считали «русским» только свой народ, а соседей определяли другими этнонимами. Например, русские и украинцы называли белорусов *литвинами*, а белорусы их — *новгородцами*, *псковичами*, *тверичами*, *москвитами*, *волынянами*, *подольянами*, *киевлянами*, *черкасами*, *казаками* и весьма редко — древним этнонимом *русичи* (*русины*, *русские*)<sup>17</sup>.

Аналогичная этнонимическая картина сложилась в XIV—XVI вв. в западных областях Белоруссии, где бытовало самоназвание *литвины*. В качестве политонима и экзоэтнонима (со стороны русских, украинцев, поляков и др.) название *литвины* распространялось на всех жителей Великого Княжества Литовского, и прежде всего на литовцев и белорусов. В документах XIV — первой половины XVI в. Великого Княжества иноэтническое население православного вероисповедания — *русины* понятийно отличалось от католиков — *литвинов* или *поляков*. Судя по документам второй половины XVI—XVII в., наиболее устойчиво название *литвины* было распространено в ряде северо-западных, западных областей Белоруссии и смежных районах Литвы (так называемые «Литва Повилейская» и «Черная Русь»), где белорусоязычные *литвины*, противопоставляя себя собственно литовцам, называли их *аукштайтами*, а те в свою очередь, определяя себя *литвинами* или *аукштайтами*, *жямайтами*, всех своих восточных соседей называли *гудасами* или *гудаями*<sup>18</sup>. *Литвинами* начиная со второй половины XVI в. довольно стабильно стала называть себя почти вся шляхта Великого Княжества Литовского<sup>19</sup> (в XVIII в. она чаще относилась к полякам).

Этническая недифференцированность понятия *литвины* обусловила возникновение в некоторых случаях составных этнонимических определений типа «литвины рускаго роду», «литвин русский по паходжаню», «родом он литвин латыш...», «литвины греческого закону люди», «...по национальности литвин, родом поляк» (...nationale Lithuanus, gente Polonus)<sup>20</sup>, «русские князи литовского роду»<sup>21</sup>. Однако в целом к середине XVII в. значительная часть населения Белоруссии (и католики, и униаты, и частично православные) уже устойчиво определяли себя *литвинами*<sup>22</sup>. В официальных документах Московского государства конца XVI—XVII в. довольно часто встречаются записи о том, что жители части центральных и восточных белорусских земель «на Москве... при роспытах... сказались литвинами», «родом из Литвы», «белорусами пашенными мужиками из Литвы...», «литвинами белорусцами»<sup>23</sup>.

Появление на страницах исторических источников XVII в. этнонимического определения *белорусцы* было самым прямым образом связано со стабиль-

ным закреплением за землями Верхнего Поднепровья и Подвинья топонима «Белая Русь» (Полоцкое, Витебское, Мстиславское и частично Минское воеводства, а также смежные территории Русского государства — Смоленщина и Псковщина)<sup>24</sup>.

В соответствии с зоной распространения топонима «Белая Русь» название *белорусцы* (реже, *белорусы*, *белые русы*) не охватывало в то время всего этнического массива белорусской народности и являлось оттопонимическим определением. Однако насыщение его определенным этническим (точнее субэтническим) содержанием отмечается уже во второй половине XVII—XVIII в., когда появляются понятия «белорусский язык», «белорусская вера»<sup>25</sup>, а жители Белой Руси начинают устойчиво называть себя *белорусами*, *белорусцами*, *белорусскими людьми*, *выходцами из Белой России*<sup>26</sup>.

Аналогично этнонимическому определению *белорусцы* в тот же исторический период (XVII—XVIII вв.) в обширной области Поприпятыя распространяется название *полещуки* (*палешуки*, *польщук*, *полещуки*)<sup>27</sup>, связанное с топонимом *Полесье*, (*Полиссия*, *Палессе*), появление которого зафиксировано гораздо ранее<sup>28</sup>. Как и земли Белой Руси, где происходило взаимодействие белорусского и русского населения, полесские территории также были контактной зоной, но только между белорусами и украинцами, а этнонимическая форма *полещуки*<sup>29</sup> носила региональный (в XVII в. скорее субэтнический) характер.

В западных областях полесской зоны (часть Берестейских земель) и на смежных областях Подляшья (современная Польша) с XIII по XIX в. наряду с этнонимами *русские* и *поляки* было распространено этнонимическое определение *полесяне* (вариации *подлесьяне*, *полексяне*)<sup>30</sup>, тесно связанное с однокорневым топонимом *Полясье* или *Подлясье* (с XIV—XV вв. *Подляшье*), но воспринимаемое часто как синоним названия *полещуки*<sup>31</sup>. На части земель *Полесья*, частично *Подляшья* и *Черной Руси* в то время, по-видимому, существовало еще одно этнонимическое определение — *чернорусы*, связанное с топонимом *Черная Русь* (локализовано главным образом в пределах Новогрудского воеводства XV—XVII вв. и части Берестейских земель)<sup>32</sup>. Однако в отличие от относительно редко употребляемого для белорусских земель названия *Черная Русь* (встречается на географических картах XV—XVII вв., в «Хронике» М. Стрыйковского и других польских историков, в немецких прусских хрониках) оттопонимическое определение *чернорусы* употреблено в известных источниках как экзоэтноним, да и то в одном-двух случаях, например у А. Гваньини<sup>33</sup>. В большинстве же случаев население земель *Черной Руси* этнонимически определялось формами *литвины*, *русины*, *поляки*, реже — *полещуки* и *полесяне*.

В целом же в конце XVI—XVIII в. на землях Белоруссии уже существовала та этнонимическая картина, которая в значительной степени сохранялась и в последующие времена. Наиболее широкими по географическим и социальным ареалам являлись этнонимические формы *белорусцы*, *литвины*, *полещуки*, *полесяне*. Они были устойчивы в ряде историко-географических областей Литвы (так называемые Литва Повилейская и Черная Русь), Белой Руси, Полесья и Подляшья, где происходило периферийное взаимодействие этнообразовательных процессов белорусской народности и народностей литовской, русской, украинской и польской. На более широком этнонимическом уровне население этих областей объединялось названием *литвины* в его государственно-политическом или по тогдашним европейским представлениям «национальном» значении<sup>34</sup>, поскольку понятие «*natio*» означало не этническую, а прежде всего государственную общность народа. «Одно государство — один народ», — провозглашали, например, короли Речи Посполитой, имея в виду объединение земли Польского королевства и Великого Княжества Литовского и объединенные политически (но этнически разнородные) народы этого государства.

В XVII—XVIII вв. насильственное насаждение и распространение в среде православного населения униатской веры (к концу XVIII в. больше половины населения Белоруссии уже исповедовало униатство) привело к сокращению ареала названий с корнем *рус* и замене их этнонимическими формами *литвины* или *белорусы* (*белорусцы*). Однако после присоединения Белоруссии к России особенно после 1839 г., когда уния на большинстве восточно-славянских земель была ликвидирована, широкое распространение среди населения Белоруссии начали получать названия *русские* (употреблявшееся иногда как синоним названием *белорусы*) и *поляки* (католики).

В XIX — начале XX в. этническое самосознание белорусов претерпело значительные изменения, обусловленные консолидацией этноса в нацию. Образование национальной общности — сложный процесс, обусловленный прежде всего развитием товарного производства. Его общественный характер требует систематического обмена информацией, устранения препятствий к эффективной коммуникации между членами социума. Коммуникативный механизм эпохи феодализма не способен выполнять эти функции. Поэтому увеличение плотности информационно-связей неизбежно приводит к качественному скачку в развитии форм и средств их трансляции. В результате кондификации разговорного языка формируется литературная норма — унифицированная форма информации, на основе которой функционируют ориентированные на широкие слои потребителей средства массовой информации и художественная культура. Общедоступность и эффективность их воздействия призвано обеспечивать народное образование. Эти три элемента, вместе взятые, образуют новый коммуникативный механизм. Характерной особенностью его является оперирование опосредованными, надконтактными связями, охватывающими масштабные социальные системы и перекрывающими коммуникации первичных социальных организмов<sup>35</sup>.

Специфика процесса национальной консолидации во многом определяется исключительно сильным воздействием осознанной и целенаправленной деятельности индивидуумов. Как отмечает И. С. Миллер, «нация формируется и нация формирует себя»<sup>36</sup>. Новый коммуникативный механизм представляет собой огромную социальную силу, так как обладает свойством активно воздействовать на взгляды и поступки людей.

Развитие капиталистического производства в недрах феодализма порождает и социальные силы, заинтересованные в формировании нового коммуникативного механизма. Создающаяся буржуазия стремится использовать его для борьбы со своими политическими и экономическими противниками. Однако непосредственным становлением этого механизма занимается интеллигенция. Эффективность воздействия коммуникативной системы во многом зависит от того, насколько адекватно будет восприниматься передаваемая ей всеми слоями населения информация. Стремясь максимально приспособить систему к потребностям масс, интеллигенция перерабатывает сложившиеся этнические традиции языка и культуры. В процессе этой деятельности происходит познание этноса как целого или тех черт, которые позволяют ему стать целым в будущем. На этой основе формируется национальное самосознание — представление об определенной идентичности всех членов этносоциальной общности<sup>37</sup>.

Осознание принадлежности к определенной национальной общности ориентирует его членов на преимущественное потребление общенациональных культурных ценностей. Это приводит к постепенному сглаживанию этнокультурных различий между группами, входящими в состав социального организма, в чем и проявляется собственно этническая сторона процесса национальной консолидации. Таким образом, следствие (национальное самосознание) выступает причиной собственной причины (национальный коммуникативный механизм), благодаря чему возникает замкнутая связь, способная к саморазвитию, разветвлению и обогащению «из самой себя». Она обеспечивает воспроизводство

основных этнических свойств системы в пространстве и времени. Известно, что «на ранних этапах развития система вообще состоит только из процесса собственного воспроизводства»<sup>38</sup>. Исходя из этого можно утверждать, что наличие более или менее развитой коммуникативной системы, репродуцирующей национальное самосознание, составляет минимальное основание для атрибуции этносоциального процесса как процесса национальной консолидации. Развитие этого процесса можно проследить по степени распространения национального самосознания среди различных социальных и территориальных групп этноса.

В формировании национального самосознания этноса, таким образом можно выделить две взаимосвязанные стадии. На первой стадии национальная общность осознается как целостность. Причём это осознание осуществляется на индивидуальном уровне. На второй стадии, когда национальное самосознание распространяется на большинство членов нации, происходит «пробуждение» их как социального коллектива<sup>39</sup>. Разделение на стадии — в достаточной степени условность, в реальной практике они тесно связаны.

Формирование национального самосознания белорусов проходило в сложной социально-экономической и политической обстановке, особенно на первом этапе развития этого процесса. В начальный период вхождения Белоруссии в состав Российской империи происходили частичное расширение товарно-денежных отношений, некоторый рост городов, увеличение численности населения. Однако рост товарности сельского хозяйства достигается за счет резкого усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, составившего до 80% населения<sup>40</sup>. В условиях общего кризиса феодальных отношений это привело в 40—50-х годах XIX в. к застою и спаду производства.

С начала XIX в. Белоруссия стала ареной острого противоборства местных полонизированных феодально-клерикальных кругов и царизма. Каждая из сторон рассматривала белорусов не как самостоятельный этнос, а как этнографическую группу польского или русского народа. Политика царской администрации основывалась на так называемой концепции «западнорусизма». Происхождение самого термина связано с пресловутым личным указом Николая I, запрещавшим употребление названия «Белоруссия»<sup>41</sup>. Почти одновременно с его принятием «для удаления в жителях Северо-Западного края всякой мысли о самостоятельности» вместо Статута Великого Княжества Литовского (свода законов) вводилось Российское законодательство<sup>42</sup>. С 1842 г. был введен официальный термин «Северо-Западный край», а его славянское население стали именовать «западнорусами»<sup>43</sup>. Этнографические особенности этого населения рассматривались лишь как результат колонизации, а потому подлежали уничтожению для «объединения его с населением великорусским»<sup>44</sup>.

Начиная с 30-х годов XIX в. русский язык постепенно занимает господствующее положение в делопроизводстве и образовании. Однако в сфере профессионального искусства, литературы по-прежнему доминирует польская культура. Социальный престиж ее был особенно высок в центральном и северо-западном регионах Белоруссии. В этих условиях важнейшей задачей идеологов белорусского национального движения была выработка представления о белорусах как о самостоятельном этносе.

Формирующаяся торгово-промышленная буржуазия была относительно немногочисленной, экономически слабой и состояла почти исключительно из представителей иноэтнических групп (главным образом евреев). Поэтому социальную основу национального движения первоначально составила интеллигенция, складывающаяся из выходцев из духовенства и мелкой шляхты.

Многочисленная шляхта, в том числе и мелкая, составлявшая около 4,5% населения (в середине XIX в. это 150 тыс. человек — примерно 50% всего дворянства европейской части России)<sup>45</sup>, заслуживает особого внимания. В отличие от помещиков представители мелкой шляхты не имели крепостных крестьян и лишь формально причислялись к дворянству, фактически составляя мелкобуржуазную прослойку. Вместе с тем они пользовались сословными

привилегиями, в частности правом на получение образования. Интеллигентный труд становился для многих источником существования. Шляхетская интеллигенция составила наиболее активную в политическом и культурном отношении часть населения Белоруссии в первой половине XIX в. В этой среде сформировалась блестящая плеяда местных деятелей культуры — А. Мицкевич, В. Сырокомля, С. Монюшко, Я. Чечот, Т. Зан, И. Домейко и др.

Центром подготовки кадров местной интеллигенции стал Виленский университет, где в 10—20-х годах XIX в. возникла организация преподавателей и студентов, поставившая задачей политическое обособление Великого Княжества Литовского и восстановление в нем социальных функций белорусского языка как государственного<sup>46</sup>. На становление самосознания членов организации большое влияние оказали идеи славянского (и особенно чешского) национального возрождения, с деятелями которого один из руководителей организации М. К. Бобровский поддерживал личные связи<sup>47</sup>.

В 40—50-х годах интерес к изучению истории и культуры Белоруссии приобретает среди местной интеллигенции массовый характер. Из польско-язычного литературного движения постепенно выделяется так называемая «белорусская школа», творчество представителей которой посвящалось Белоруссии. На белорусском языке были написаны отдельные произведения Я. Чечота, А. Борщевского, А. Рыпинского, В. Сырокомли, большая часть произведений В. Дунина-Марцинкевича<sup>48</sup>. С Белоруссией было связано искусство художников А. Ваньковича, В. Дмаховского, Я. Дамеля<sup>49</sup>, композитора А. Абрамовича<sup>50</sup>. Деятели литературы и искусства группировались вокруг кружков А. Киркора (Вильно), В. Дунина-Марцинкевича (Минск), А. Вериги-Даревского (Витебск). Их творчество объективно создавало основу национальной белорусской художественной культуры.

Одновременно, отражая «пробуждение масс к овладению родным языком и литературой», среди широких масс крестьянства получили распространение возникавшие на стыке фольклора и профессиональной литературы анонимные произведения острой социальной направленности, так называемые *гутарки*. В период кризисной ситуации перед восстанием 1863—1864 гг. в кругу демократической интеллигенции, возглавляемой К. Калиновским, сформулировалось представление, что «история выработала для белорусов особую национальность... и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития»<sup>51</sup>.

Приближение революционного кризиса вызвало обостренный интерес к белорусской национальной проблеме и среди крупных землевладельцев. Этот интерес выразился в так называемой «хлопомании» — заигрывании с крестьянами, носившей, однако, в отдельных случаях просветительский характер<sup>52</sup>.

Определенные изменения произошли и в этническом самосознании крестьянства. Этнонимическое определение *белорусы*, ранее распространенное почти исключительно в Поднепровье и восточной части Подвинья, проникло на запад. При этом на северо-западе сложилась ситуация, когда *литвинами* называли только католиков, а *белорусами* — православных. К белорусам устойчиво относилось коренное население ряда местечек на Гродненщине<sup>53</sup>. Характерно, что именно в северо-западной части Белоруссии во время восстания 1863 г. крестьяне добились открытия нескольких белорусских школ<sup>54</sup>.

Однако в целом национальная консолидация была еще слаба.

В 60—80-е годы XIX в., несмотря на неблагоприятные условия, развитие национального самосознания достигло качественно нового уровня. Подавление восстания 1863—1864 гг. повлекло за собой физическое уничтожение и высылку из Белоруссии лучших представителей польской и белорусской демократической интеллигенции, установление военно-полицейского режима, затормозившего развитие всех видов оппозиционного (включая и национальное) движения. Резко усилилась русификация, в осуществлении которой использовалась создававшаяся в те годы система народного образования.

Тем не менее в начале 1880-х годов наметилось оживление процессов национальной консолидации, вызванное развитием всероссийского освободительного движения. В это время на основе белорусских народнических кружков в Петербурге была создана группа «Гомон» — первая национальная политическая организация, близкая к народничеству. Публицистика белорусских народников отразила новый уровень развития национального самосознания<sup>55</sup>. Было впервые решительно объявлено о существовании белорусского народа, охарактеризованы его культурные особенности и территориальные границы расселения, сформулированы развернутые национально-политические программы. Социальная неоднородность белорусского народничества обусловила дифференциацию подходов к решению национальной проблемы. Либерально-буржуазное течение ограничивало задачи движения созданием национальной культуры, «согласующейся с требованиями народной жизни». Революционные народники считали возможным добиться социального и национального освобождения белорусского народа только в результате свержения самодержавия в союзе со всеми народами России и создания федеративного государства. Группа «Гомон» просуществовала относительно недолго, и ее воздействие на развитие национального самосознания было ограниченным.

Значительно большие последствия имела деятельность группы интеллигенции в Минске (Я. Лучина, М. В. Довнар-Запольский, В. З. Завитневич, А. И. Слупский и др.), выпускавший первую неофициальную газету в Белоруссии «Минский листок», а также издавшей несколько «Календарей Северо-Западного края»<sup>56</sup>. На страницах этих изданий помещались литературные произведения, статьи по этнографии и истории Белоруссии. Большое значение для пробуждения национального самосознания имела деятельность Ф. Богушевича, который первым обратился к широким народным массам с идеей национального возрождения<sup>57</sup>.

Существенную роль в формировании национального самосознания сыграло также изучение быта, культуры, языка и истории белорусского народа, широко развернувшееся в 60—90-е годы XIX в.<sup>58</sup> По мысли царской администрации, оно должно было подтвердить «исконно русский характер края». Однако нередко результаты исследований объективно свидетельствовали о том, что белорусы являются самостоятельным этносом. Многие исследователи, например Е. Р. Романов, рассматривали свою научную деятельность как средство «пробуждения» самосознания белорусов<sup>59</sup>.

Определенную роль в распространении этнонима *белорусы* сыграла национальная политика царского правительства после восстания 1863—1864 гг., его крайняя нетерпимость к польскому населению и его культуре. Для поляков были установлены ограничения при приеме на государственную службу, они не могли приобретать земельную собственность, запрещались преподавание и даже употребление польского языка «вне домашнего быта», издание книг и газет на польском языке, даже использование латинского шрифта. В борьбе с «полонизмом» царской администрации в известной степени было выгодно, чтобы белорусы (особенно католики) осознавали себя «неполяками». Поэтому проводя так называемую политику разобшения «католицизма и полонизма», чиновники допускали использование белорусского языка в католических литургиях<sup>60</sup>, а в школьные учебники вводились сведения о Белоруссии, белорусах и т. д.<sup>61</sup>

Воздействие этих факторов привело к значительному изменению форм этнического самосознания белорусов. В наибольшей степени трансформировалось самосознание той части этноса, которая ранее относилась к полякам. К концу XIX в. ее численность сократилась вдвое, а удельный вес — в 4 раза. Согласно переписи 1897 г., из 153 тыс. представителей сословия дворян Белоруссии 43,3% признали родным языком белорусский, 19,1% — русский, 33,8% — польский. Общеэтническое самосознание быстро распространялось среди интеллигенции: белорусами себя считали до 40% чиновников, 10% юристов, 20% врачей, 29% почтово-телеграфных служащих, 60% учителей<sup>62</sup>.



Этноним *белорусы* достаточно широко распространился среди крестьянства, вытеснив самоназвания *литвины*, частично *полецки*, *полесяне* и др. Однако на уровне обыденного сознания он еще не имел общенационального распространения. По-прежнему большое значение сохраняли локальные этникины, а также связанные с конфессиональной принадлежностью определения *русские* и *поляки*. В северо-западных и центральных районах довольно широко бытовало самоназвание *тутэйшыя*, которое было воспринято и отдельными представителями интеллигенции как универсальный белорусский этноним. В целом же, по крайней мере 650 тыс. человек (грамотное белорусское население), осознанно относилось к белорусскому этносу<sup>63</sup>.

В начале XX в. в связи с активизацией деятельности демократических сил во всей стране начался новый подъем белорусского национально-освободительного движения, произошло его организационное оформление. В 1902—1903 гг. была создана первая национальная политическая партия — Белорусская Революционная (позже Социалистическая) Громада, выдвинувшая в качестве программных целей достижение областной автономии в составе демократической федеративной России, передачу средств производства и земли в собственность трудящихся, создание условий для развития национальной культуры и школы<sup>64</sup>.

Одновременно значительно ускорился процесс формирования национальной художественной культуры, особенно после 1905 г., когда был снят официальный запрет на публикации произведений на национальных языках, в том числе белорусском. Наиболее интенсивно развивалась литература, особенно поэзия и драматургия, что вообще характерно для эпохи национального Возрождения. Особенностью всей белорусской культуры на этом этапе была ориентация на распространение национального самосознания. Его становлению способствовали публикации фундаментального труда Е. Ф. Карского «Белорусы», давшего целостное представление о белорусском этносе, его этногенезе, территории расселения<sup>65</sup>, а также материалов Первой всеобщей переписи 1897 г., позволивших определить численность белорусов. К концу 1910-х годов формирование национального самосознания как системы научных взглядов в основном завершилось. Наиболее отчетливое выражение оно получило в публикациях В. Ластовского<sup>66</sup>.

Однако средства распространения национальной этнокультурной информации были развиты еще слабо. До 1912 г. периодическая печать была фактически представлена единственным еженедельником «Наша нива», книгоиздательское дело — несколькими небольшими издательствами. Народное образование оставалось под контролем царской администрации, а отдельные попытки организовать частные белорусские школы не решали проблемы. Большое значение в этот период имели так называемые «белорусские вечеринки» — любительские театрализованные представления, которые организовывались силами местной интеллигенции во многих городах и местечках Белоруссии. Консолидационные процессы шли интенсивнее, чем в других районах, в Центральной и Северо-Западной Белоруссии, более развитой в культурном и социально-экономическом отношении.

Несмотря на ограниченные возможности распространения национального самосознания, оно активно формировалось среди представителей практически всех социальных слоев общества, в том числе и среди крупных землевладельцев, чиновников, офицеров и генералов, католического и православного духовенства. Об этом свидетельствует создание в 1916—1918 гг. широкого спектра национальных политических организаций: от консерваторов (Белорусская народная партия) до леворадикалов (Белорусская социал-демократическая рабочая партия на платформе РСДРП(б)). Между этими двумя крайними точками существовали Белорусская христианская демократия, Белорусская социал-демократия, Белорусская партия эсеров и т. д. Закономерным результатом развития национального движения стало создание национальной государственности: первоначально Белорусской Народной Республики (февраль —

ноябрь 1918 г.), правительство которой провозгласило 25 марта 1918 г. независимость Белоруссии и, позже — Белорусской ССР (с 1 января 1919 г.). Однако процесс консолидации нации на этом не завершился. Его региональный характер не был преодолен. Поэтому степень усвоения общенационального самосознания в Восточной Белоруссии, особенно в Полесье, оставалась незначительной.

Суммируя, хотелось бы подчеркнуть, что с названием *белорусы* в этнической истории народа связан процесс формирования собственно национального самосознания, который отражал более обширный процесс складывания белорусской буржуазной нации. Этому процессу предшествовало распространение локального этнического (донационального) самосознания, существовавшего в различных формах у ряда субэтнических общностей (*литвинов, белорусцев, полешуков, полессян*). И если новый (национальный) литературный язык белорусов был сформирован на базе западнобелорусских (понеманских) говоров, то основу единого национального этнонима составило распространившееся с востока Белоруссии этнонимическое определение *белорусцы (белорусы)*.

### Примечания

<sup>1</sup> Некоторое исключение составляют труды ряда дореволюционных и советских исследователей (И. Первольфа, М. Довнар-Запольского, Е. Карского, И. Сербова, В. Пичеты, А. Хорошкевич, А. Попова, М. Улащика, А. Мальдиса и др.), где наряду с основной проблематикой рассматривались вопросы этнонимического определения белорусов на разных этапах их этнической истории.

<sup>2</sup> Обзор этих мнений см.: *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 1. Вильна, 1904.

<sup>3</sup> *Białorus a Białolechia // Przewodnik Naukowy i Literacki.* Lwow, 1985. S. 281—287; *Studnicki W.* Sprawa Polska. Poznań, 1910. S. 495.

<sup>4</sup> «...тубыльцомъ ...все их права и привилея костельныя такъ Латинского закону яко Кгреческого теже и светские даны»; «мы тутэйшыя, страна наша ни руска, ни польска, але забраны край». См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. // *Временник импер. Общества любителей древностей российских.* М., 1854. С. 1; *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. III. СПб., 1902. С. 98.

<sup>5</sup> *Никонов В. А.* Этнонимия // *Этнонимы.* М., 1970. С. 7—17; *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // *Этнография имен.* М., 1971. С. 9—13.

<sup>6</sup> Последние упоминания названий *кривичи, кривейтия* носят характер экзоэтнонимических определений, например, со стороны прусских немцев (XIV в.), а также со стороны латышей в отношении как белорусского, так и русского населения (XVI—XIX вв.). Правда, ряд официальных статистических источников XIX в. упоминают группы кривичей численностью около 23 тыс. человек, проживающих в западных областях Белоруссии. См.: *Зеленский И.* Минская губерния (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба). Ч. I. СПб., 1864. С. 408; *Столянский И.* Девять губерний Западно-русского края. СПб., 1866. С. 31; Однако характер сбора этой информации, когда вместе с кривичами были «обнаружены» также радимичи, дреговичи, древляне и даже белые хорваты, ставит под сомнение достоверность этих данных. Полевые этнографические материалы, собранные за последние годы, также фиксируют существование названия «кривичи», но только как сельского оттопониимического этника жителей одноименных деревень. См.: Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Ф. 6. Оп. 4. Д. 13а.

<sup>7</sup> См., например, *Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя.* Мінск, 1985.

<sup>8</sup> *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973; *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры // *Сов. этнография.* 1972. С. 73—75; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // *Сов. этнография.* 1974. № 2; *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // *Расы и народы.* М., 1976. Вып. 6. С. 63; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173—200; *У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания.* М., 1984. С. 74—88.

<sup>9</sup> Так, сельское население Белоруссии XIV—XVII вв. определялось понятиями *тубыльцы*, а также общинными (типа — *заволочане, мачане, лучане*), волостными (типа — *столинцы, свислочане, бобровцы*) и поветовыми (типа — *мозыряне, речичане, мозырьцы*) этниконами, производными от названий центральных поселений (городов и местечек) волостей или поветов. Жители других волостей и поветов определялись как *кужеволостцы* или же соответствующими этниконами. Волостные этники были репрезентативны и часто сохранялись в иноэтническом окружении, трансформируясь в прозвище (например, на Украине выходцев из Белоруссии, включая крестьян,

называли *мозыринин, пинчук, случанин, туровец, бобруйко*, а иногда и более широко — *литвин* (см. Литовская метрика. Книга записей. Т. 1) // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб., 1910. С. 669—670, 728; Этнаграфія беларусаў. С. 71—72; Исторические корни дружбы и единения украинского и белорусского народов. Киев, 1978. С. 40.

<sup>10</sup> Например, отдельным и самостоятельным народом, начиная с XVI в., считала себя белорусская шляхта, которая совместно с польской, украинской, литовской, частично русской шляхтой составляла так называемый «шляхетский народ Речи Посполитой», объединенный едиными юридическо-правовыми нормами, вольностями, обычаями и традициями, стереотипами поведения и даже искусственно созданной концепцией «сарматского происхождения». Шляхетские идеологи доказывали, что только шляхта может представлять народ и государство в их единстве. Правда, шляхетское сословие Великого Княжества Литовского, сохранявшего значительную автономию в составе Речи Посполитой, долгое время предпочитало называться *литвинами*, выражая тем самым независимость своего социально-политического положения и противопоставляя себя польской и украинской шляхте — *коронянам* (жителям «Короны» — Польши). Разделение белорусско-литовской шляхты на *литвинов* и *русинов* связывалось обычно с конфессиональной дифференциацией. Например, *руси́нами* назывались иногда литовцы, принявшие православие. См. Полн. собр. русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1980. Т. 35. С. 195; *Ловмянский Х. Русь и норманны*. М., 1985. С. 215; *Suchocki J. Formowanie się i skład narodu politycznego w Wielkim księstwie Litewskim późnego średniowiecza* // *Zapiski historyczne*. 1983. Т. XLVIII. S. 31—48; Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. 1. Мінск, 1936. С. 333—338.

<sup>11</sup> Например: «Мы полочане ...люди старейшие и малые... от всей земли Полоцкой...» (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 51; Полоцкие грамоты XII — начала XVI в. М., 1978. Вып. II. С. 145; Литовская метрика. Книга записей. Т. 1. С. 509, 584; Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905. С. 7—8, 53).

<sup>12</sup> См. об этом: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление. Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 10—62.

<sup>13</sup> Например, во многих документах того времени названия экзотонимического типа ряда европейских народов — *ляхи* (поляки), *немцы, чехи, словаки, угры* (венгры), *влохи* (романцы), *лифлянты* (латыши), *татары* и др. часто перечисляются как равные понятия в одном ряду с земляческими этнонимами *полочане, витебляне, смоляне, кияне, волыняне* или *волинцы* и др. См.: Акты Литовско-Русского государства / Изд. Довнар-Запольский М. В. М., 1897. Вып. 1. С. 25—26; ПСРЛ. Т. 35. С. 44, 45, 49, 58, 62, 93, 122, 124, 150, 181 и др.

<sup>14</sup> Например, в комментариях к своим изданиям в 20-е годы XVI в. белорусский просветитель и первопечатник Ф. Скорина, называя себя «сыном из славного города Полоцка», писал «...люди игде зародилися и ускормлены суть к тому месту великую ласку имеют». В то же время в Падуанском университете в 1512 г. он был записан как «русин», а о себе писал: «Азъ ...нароженный въ рускомъ языку...», переводы посвящал «...братии моей Руси». В ректорских актах Краковского университета за 1504 г. Ф. Скорина записан как «из Полоцка, литвин» (*Скарына Ф.* Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969. С. 58—60; Францыск Скарына і яго час // Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1988).

<sup>15</sup> *Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrolewia*. Krakow, 1906. S. 393—394.

<sup>16</sup> *Банарчык В. К., Чаквін І. У.* Праблемы этнагенезу беларусаў у працах славянских вучоных. Доклад на IX Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1982. С. 4—8.

<sup>17</sup> *Пашуто В. Т., Флора Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 135—138; Литовская метрика. Книга записей. Т. 1. С. 238, 455, 542, 546; ПСРЛ. Т. 35. С. 110, 122, 126.

<sup>18</sup> См.: *Vuga K. Rinktiniai rastai*. Vilnius, 1961; *Кочубинский А. А.* Территория доисторической Литвы // Журн. Министерства народного просвещения. 1897. Ч. XXXIX. С. 62; Памятная книжка Ковенской губернии. Ковна, 1890. С. 8.

<sup>19</sup> *Suchocki J. Formowanie się i skład narodu politycznego...* S. 39—47; *Чаквін І. У.* Да пытання аб этнічнай самасвядомасці беларусаў у часы Скарыны // Спадчына Скарыны. Зборнік матэрыялаў. Мінск, 1989. С. 39—49.

<sup>20</sup> Сборник документов, объясняющих историю Западно-Русского края и его отношение к России и Польше / Предисл. Кояловича М. СПб., 1865. С. III—XXX; *Ochmiałski J. Biskupstwo Wilenskie w średniowieczu*. Poznań, 1972. S. 41—46.

<sup>21</sup> Так называли служилых князей Одоевских, Белевских, Бельских, Глинских, Воротынских, Мезецких, Мстиславских и др., которые переходили в XV—XVI вв. на службу в Московское государство из Великого Княжества Литовского, несмотря на то, что один из них был из рода Гединовичей, а другие — Рюриковичей. См.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 28—56; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 29—74.

<sup>22</sup> Как микроэтноним понятие *литвины* существовало и частично продолжает сохраняться у некоторых локальных групп белорусского и ассимилированного балтского белорусоязычного населения западных районов Белоруссии и Восточной Литвы. См.: *Гаучас П., Видутирис А.* Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX в. // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. География. Население и поселения. Вильнюс, 1983. Т. XIX. С. 26—73; *Ossowski L. Zagadnienia językowe Polesia*. Komisja naukowych badań. Warszawa, 1936; *Чаквін І. У.* Гістарычная этналіка Палесся // Весті АН БССР. Сер. грамад. навук. 1985. № 4. С. 74—80.

<sup>23</sup> Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Разрядный приказ. 1571—1634 гг. СПб., 1890. Т. 1. С. 34, 179, 249, 347 и др.; Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570—1667) / Под ред. Абеледарского Л. С. и Волкова М. Я. Минск, 1963. С. 94, 97, 103, 109, 111, 112, 114 и др.; *Лейшанка Р. Ф.* Беларусы-перасяленцы у Сібіры / канец XVI—XVII ст. // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1982. № 5. С. 75—81; *его же.* Беларусы у Паволжы (канец XVI—XVII ст.) // Там же. 1984. № 4. С. 61—66.

<sup>24</sup> *Соловьев А. А.* Белая и Черная Русь // Сб. Русского археологического общества в королевской Югославии. Белград, 1940. С. 41—45.

<sup>25</sup> «Белорусской верой» в Московском государстве в XVII в. называлось униатство, в Речи Посполитой — «русская вера». См. Русско-белорусские связи. Сб. документов. С. 112; *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 136.

<sup>26</sup> Показательно, что *белорусцами* назывались все жители Белой Руси независимо от их этнической принадлежности — русские, белорусы, украинцы, литовцы, латыши и др., например, «...родом он литвин латыш белорусец Оршанского повету» (См.: Русско-белорусские связи. С. III; *Потебня А. А.* Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. III. С. 118—119; Этнография беларусаў... С. 81—82, 129—131).

<sup>27</sup> Например: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1867. Т. IV. С. 51. (1664 г.). Понятие «поleshуки» встречаются также и на некоторых географических картах XVII в., например на так называемой Радзивилловской карте Великого княжества Литовского, изданной в 1613 г. — См. *Чаквин І. В.* Полісся і його локалізація (за історичними, історіографічними та польовими матеріалами) // Народна творчість та етнографія. 1984. № 2. С. 58—62.

<sup>28</sup> По имеющимся на сегодня данным, топоним *Полесье* впервые был упомянут в Ипатьевской летописи под 1273 г., а в XVI—XVII вв. уже широко использовался для обозначения территорий бассейна Припяти и ряда смежных земель (См. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 873).

<sup>29</sup> Название *поleshуки* характеризовалось в XVII — первой половине XIX в. широким социально-социальным диапазоном бытования, однако в среде шляхты и горожан, а также при профессиональной дифференциации населения заменялось названиями *поляки, литвины или русские* (с конца XVIII в. — *русские*). См.: *Левшин А.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 146—148.

<sup>30</sup> *Бобровский П.* Гродненская губерния (Материалы для географии и статистики России). СПб., 1863. Ч. 1. С. 129—130, 621—622; *Лебедин М.* О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Импер. Русского географического общества. СПб., 1861. Кн. 3. С. 131.

<sup>31</sup> По мнению некоторых польских исследователей, названия *поleshяне, поleshяне, поleshяне* — славянизированный экзонимом одного из племен («pollexian», «polekszan») западнобалтийского союза ятвягов, которое было ассимилировано славянами еще к XVI в. — см. *Nalepa J.* «Polekszanie» (pollexiani) — plemie jascwiekie i wschodnich granic Polski // Rocznik Białostocki. 1967. Однако возможно, это название имело и эндонимическое звучание, поскольку в балтских языках также существуют термины, аналогичные славянскому «Полесье», которые обозначают болото, болотистое место, болотистый песок («Pala», «Pelesa», «Polymas», «Pelysa», «Pelesa»). См. *Катонова Е. М.* Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981. С. 96—98; *Карлюнас С.* Литовское «Polymas» — болотистое место // Этимология. М., 1981. С. 110—111.

<sup>32</sup> *Соловьев А.* Указ. раб. С. 55—58; *Manczak W.* Biała, Czarna i Czerwona Rus // Intern. J. Slavic Linguistics and Poetics. 1979. V. 19. S. 34—37; The Historical Atlas of Poland. Warszawa; Wrocław, 1986. S. 7—8, 21.

<sup>33</sup> *Гваньини А.* Хроника Европейской Сарматии // Полоцко-Витебская старина. Т. 3. / Изд. Сапунова А. Витебск, 1916. С. 320—329.

<sup>34</sup> См. об этом: *Krzyżaniakowa J.* Pojęcie narodu w «Roznikach» Jana Długosza // Stuka i ideologia XV wieku. Warszawa, 1978. S. 142—145.

<sup>35</sup> *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Очерки теории. М., 1986. С. 40.

<sup>36</sup> *Миллер И. С.* Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982. С. 11.

<sup>37</sup> *Мыльников А. С.* К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 242.

<sup>38</sup> *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 45.

<sup>39</sup> *Нидерхаузер Э.* Роль национальной культуры в становлении наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982. С. 247.

<sup>40</sup> *Церашковіч П. У.* Этнасацыяльная і канфесіянальная структура насельніцтва Беларусі ў сярэдзіне XIX ст. // Быт і культура беларусаў. Мінск, 1984. С. 11.

<sup>41</sup> Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. Минск, 1979. С. 129—131.

<sup>42</sup> ЦГИА СССР. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26. Л. 136 об. — 137.

<sup>43</sup> Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі. Мінск, 1985. С. 667.

<sup>44</sup> ЦГИА БССР. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 49.

<sup>45</sup> *Самбук С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980. С. 13.

- <sup>46</sup> Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. СПб., 1890. С. 204—205.
- <sup>47</sup> Бобровский П. О. Михаил Кирилович Бобровский. СПб., 1889. С. 567.
- <sup>48</sup> Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд. Ч. 1. Мінск, 1977. С. 89—101, 132—168.
- <sup>49</sup> Дробов Л. Н. Живопись Белоруссии XIX — начала XX в. Минск, 1974. С. 43—54, 71—84, 121—127.
- <sup>50</sup> Мальдзіс А. Падарожжа у XIX стагоддзе. Мінск, 1969.
- <sup>51</sup> Шолкович С. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильно, 1870. С. 388.
- <sup>52</sup> Шолкович С. Указ. раб. С. 387; Нарыс гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі у Беларусі. Мінск, 1968. С. 196.
- <sup>53</sup> Архив АН СССР. Ф. 30. Оп. 2. Д. 6, 7, 17; Гродненские губернские ведомости. 1863. № 41.
- <sup>54</sup> Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. С. 156.
- <sup>55</sup> Публицистика белорусских народников. Минск, 1983.
- <sup>56</sup> Календарь Северо-Западного края на 1889 год. Минск, 1889; Северо-Западный календарь на 1893 год. Минск, 1892; и др.
- <sup>57</sup> Багушэвіч Ф. Творы. Мінск, 1967. С. 17.
- <sup>58</sup> Носович Н. Я. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870; Карский Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусского языка. М., 1895; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887—1893. Т. I—II.
- <sup>59</sup> См.: Бандарчык В. К. Еудакім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961. С. 131.
- <sup>60</sup> ЦГИА БССР. Ф. 295. Оп. I. Д. 7597; Ф. 1430. Оп. I. Д. 35861.
- <sup>61</sup> См. напр.: Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа. Вильно, 1863.
- <sup>62</sup> Подсчитано авторами по кн.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. СПб., 1899—1904. Т. IV. V, XI, XII, XIII. подсчитано по: Там же.
- <sup>63</sup> То же.
- <sup>64</sup> Луцкевіч А. І. За дваццаць пяць год. Вільня, 1928. С. 10.
- <sup>65</sup> Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1—3. Варшава, 1903—1916.
- <sup>66</sup> Власт. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910.